

Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.

А. К. ТОЛСТОЙ



СОНЪ
Статскаго Совѣтника
ПОПОВА



A. K. TOLSTOI.
Der Traum. — Le rêve.

БЕРЛИНЪ. Charlottenstr. 2. BERLIN SW.
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1904. 1904.

Часть 50. Мар. 1,—

А. К. ТОЛСТОЙ.

Сонъ Статскаго Совѣтника Попова.

Tolstoi, A.K.

А. К. ТОЛСТОЙ

СОНЪ

СТАТСКАГО СОВѢТНИКА

ПОПОВА





БЕРЛИНЪ.

Изданіе Гуго Штейница.

Шарлоттенштрассе 2.

TK

1.

Приснился разъ, Богъ вѣсть съ какой причины,
Совѣтнику Попову странный сонъ:
Поздравить онъ министра въ именины
Въ пріемный залъ вошелъ безъ панталонъ;
Но впрочемъ не забыто ни единой
Регаліи; отлично выбритъ онъ;
Темлякъ на шпагѣ; все по циркуляру —
Лишь панталонъ забылъ надѣть онъ пару.

2.

И надо-же случиться на бѣду,
Что онъ тогда лишь свой замѣтилъ промахъ,
Какъ ужъ вошелъ. — Ну, думаетъ, уйду!
Не тутъ-то было! Ужъ давно въ хоромахъ
Народу тьма; стоитъ онъ на виду,
Въ почетномъ мѣстѣ; множество знакомыхъ
Его увидѣть могутъ на пути —
— Нѣтъ, онъ рѣшилъ, нѣтъ, мнѣ нельзя уйти!

3.

А вотъ я лучше что-нибудь придвину
И скрою тѣмъ досадный мой изъянъ;
Пусть верхнюю лишь видятъ половину,
За нижнюю-жъ отвѣтитъ мнѣ Иванъ!
И вотъ бочкомъ прокрался онъ къ камину
И спрятался по-поясъ за экранъ.
— Эхъ, думаетъ, не дурно вѣдь, канальство!
Теперь пусть входитъ высшее начальство!

4.

Межъ тѣмъ тѣснѣй все становился кругъ
Особъ чиновныхъ, чающихъ карьеры;
Невнятный въ залѣ раздавался звукъ;
И всѣ принять свои старались мѣры,
Чтобъ съ разу быть замѣченными. Вдругъ
Въ себя втянули животы курьеры,
И экзекуторъ рысью черезъ залъ,
Придерживая шпагу, пробѣжалъ.

5.

Вошелъ министръ. Онъ видный былъ мущина,
Изящныхъ формъ, съ привѣтливымъ лицомъ,
Одѣтъ въ визитку: — Своего-молъ чина
Не ставлю я предъ публикой ребромъ;

Внушается гражданствомъ дисциплина,
А не мундиромъ шитымъ серебромъ.
Все зло у насъ отъ глупыхъ формъ избытка!
Я-жъ вѣка сынъ — такъ вотъ на мнѣ визитка!

6.

Не ускользнулъ сей либеральный взглядъ
И въ самомъ снѣ отъ зоркости Попова.
Хватается, кто тонетъ, говорятъ,
За паутинку и за кустъ терновый.
— А что̀, подумалъ онъ, коль мой нарядъ
Понравится? Вѣдь есть-же, право-слово,
Свободное, простое, что-то въ немъ!
Кто знаетъ? Что̀-жъ? Быть можетъ! подождемъ!

7.

Министръ межъ тѣмъ станъ изгибалъ пріятно:
— Всѣхъ господа, всѣхъ васъ благодарю!
Прошу и впредь служить такъ акуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Вѣдь мысль моя, надѣюсь, вамъ понятна?
Я въ переносномъ смыслѣ говорю:
Мой идеалъ полнѣйшая свобода —
Мнѣ цѣль народъ — и я слуга народа!

8.

Прошло у насъ то время, господа —
Могу сказать: печальное то время —
Когда наградой пота и труда
Былъ произволъ. Его мы свергли время
Народъ воскресъ — но не вполнѣ — да, да!
Ему вступить должны помочь мы въ стремя,
Въ извѣстномъ смыслѣ сгладить всѣ слѣды
И, такъ сказать, вручить ему бразды.

9.

Искать себѣ не будемъ идеала,
Ни основныхъ общественныхъ началъ
Въ Америкѣ. Америка отстала:
Въ ней собственность царитъ и капиталъ.
Британнія строй жизни запятнала
Законностью. А я ужъ доказалъ:
Законность есть народное стѣсненье,
Гнуснѣйшее межъ всѣми преступленье!

10.

Нѣтъ, господа! Россіи предстоитъ,
Соединивъ прошедшее съ грядущимъ,
Создать, коль смѣю выразиться, видъ,
Который называется присущимъ

Всѣмъ временамъ; и ставъ на свой гранитъ,
Имущимъ, такъ сказать, и неимущимъ
Сткрыть родникъ взаимнаго труда.
Надѣюсь, вамъ понятно, господа?

11.

Раздался въ залѣ шопотъ одобренья,
Министръ поклономъ легкимъ отвѣчалъ,
И тутъ же, съ видомъ полнымъ снисхожденья,
Онъ обходить обширный началъ залъ:
— Какъ вамъ? Что вы? Здорова-ли Евгенья
Семеновна? Давно не заѣзжалъ
Я къ вамъ, любезный Сидоръ Тимофѣичъ!
Ахъ, здравствуйте, Ельпидифоръ Сергѣичъ!

12.

Стоялъ въ углу, плюгавъ и одинокъ,
Какой-то тамъ коллежскій регистраторъ.
Онъ и къ тому, и тѣмъ не пренебрёгъ;
Взялъ подъ-руку его: — Ахъ, Антипаторъ
Васильевичъ! Чтò, какъ вашъ кобелёкъ?
Здоровъ-ли онъ? . . . Вы ѣздите въ театоръ?
Чтò вы сказали? Все болитъ животъ?
Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но ничего, пройдетъ!

13.

Переходя налѣво и направо,
Свой министръ такъ перлы расточалъ;
Иному онъ подмигивалъ лукаво,
На консоме другаго приглашалъ,
И ласково смотрѣлъ и величаво.
Вдругъ на Попова взоръ его упалъ,
Который, скрыть экраномъ лишь по-поясъ,
Исхода ждалъ, немного безпокоясь.

14.

— Ба! Что я вижу! Титъ Евсѣичъ здѣсь!
Такъ, такъ и есть! Его мы точность знаемъ!
Но отчего-жъ онъ видѣнъ мнѣ ни весь?
И заслоненъ какимъ-то попугаемъ!
Престранная выходитъ это смѣсь!
Я любопытствомъ очень подстрекаемъ,
Увидѣть ваши ноги . . . Да, да, да!
Я васъ прошу, пожалуйте сюда!

15.

Колеблясь межъ надежды и сомнѣнья:
Какъ на его посмотрятъ туалетъ, —
Поповъ наружу вылѣзъ. Въ изумленьи
Министръ приставилъ къ глазу свой лорнетъ.

— Что̀ это? Правда, или навожденье?
Никакъ на васъ штановъ, любезный, нѣтъ?
И на чертахъ изящно благородныхъ
Гнѣвъ выразилъ ревнитель правъ народныхъ.

16.

Что̀ это значитъ? Гдѣ вы рождены?
Въ Шотландіи? Какъ вамъ пришла охота
Тамъ, за экраномъ, снять съ себя штаны?
Вы начитались вѣрно Вальтеръ-Скота?
Иль классицизмомъ вы заражены?
И римскаго хотите патріота
Изобразить? Иль, Боже упаси,
Собой бюджетъ представить на Руси?

17.

И былъ министръ еще во гнѣвѣ краше,
Чѣмъ въ милости. Чреватый отъ громовъ
Взоръ заблестѣлъ. Онъ продолжалъ: — Вы наше
Довѣрье обманули. Много словъ
Я тратить не люблю! — Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! шепталъ Поповъ:
Я не сымалъ . . . Свидѣтели курьеры,
Я прямо такъ пріѣхалъ изъ квартеры!

18.

— Вы милостивый смѣли государь,
Пріѣхать такъ? Ко мнѣ? На поздравленье?
Въ день ангела? Безнравственная тварь?
Теперь твое я вижу направленье!
Вонъ съ глазъ моихъ! Иль нѣту — секретарь!
Пишите къ прокурору отношенье:
Совѣтникъ Титъ Евсѣевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

19.

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра — имярекъ —
Отечество спаслось отъ заговору,
И нравственность не згинула на вѣкъ.
Подъ стражей нынѣ шлется къ прокурору
Для слѣдствія сей вредный человѣкъ,
Дерзнувшій снять публично панталоны;
Да поразятъ преступника законы!

20.

Иль нѣтъ, постойте! Коль отдать подъ судъ,
По дѣлу выйти можетъ послабленье,
Присяжные-безштанники спасутъ
И оправдаютъ корень возмущенья;

Здѣсь слишкомъ громко нравы вопіютъ —
Пишите прямо въ Третье Отдѣленье:
Совѣтникъ Титъ Евсѣевъ сынъ Поповъ
Всѣ ниспровергнуть власти былъ готовъ.

21.

Онъ поступилъ законамъ такъ противно,
На общество такъ явно поднялъ мечь,
Что пользу можно-бъ административно
Изъ неглиже изъ самаго извлечь.
Я жертвую агентамъ по-двѣ гривны,
Чтобы его — но скрашиваю рѣчь —
Чтобъ мысли тамъ внушить ему иныя.
Затѣмъ ура! Да здравствуетъ Россія!

22.

Министръ кивнулъ мизинцемъ. Сторожа
Внезапно взяли подъ-руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,
Они его, отъ Невскаго, Садовой
Средь смѣха, крика, чуть не мятежа,
Къ Цѣпному мосту привели, гдѣ новый,
Стоитъ, на видъ весьма красивый, домъ,
Своимъ извѣстный праведнымъ судомъ.

23.

Чиновникъ по особымъ порученьямъ,
Который ихъ до мѣста проводилъ,
Съ заботливымъ Попова попеченьемъ
Сдалъ на-руки дежурному. То былъ
Во фракѣ мужъ, съ лицомъ пылавшимъ рвеньемъ,
Со львиной физьономіей, носилъ
Мальтійскій крестъ и множество медалей,
И въ душу взоръ его влѣзалъ все далѣй.

24.

Въ какомъ полку онъ нѣкогда служилъ,
Въ какихъ бояхъ отличенъ былъ какъ воинъ,
За что̀ свой крестъ мальтійскій получилъ,
И гдѣ своихъ медалей удостоенъ —
Невѣдомо. Ехидно попросилъ
Попова онъ, чтобы тотъ былъ спокоенъ,
Съ улыбкой указалъ ему на стулъ
И въ комнату сосѣднюю скользнулъ.

25.

Одинъ оставшись въ небольшой гостинной,
Поповъ сталъ думать о своей судьбѣ:
— А казусъ вышелъ, кажется, причинный!
Кто-бъ это могъ вообразить себѣ?

Попался я въ огонь какъ снопъ овинный!
Вѣдь искони того еще не бѣ,
Чтобы меня кто въ этомъ видѣ встрѣтилъ,
И какъ швейцаръ проклятый не замѣтилъ!

26.

Но дверь отверзлась, и явился въ ней
Съ лицомъ почтеннымъ, грустію покрытымъ,
Лазоревый полковникъ. Изъ очей
Катилися слезы по его ланитамъ.
Обильно ихъ струящійся ручей
Онъ утиралъ платкомъ, узоромъ шитымъ,
И про себя шепталъ: — Такъ! Это онъ!
Такимъ онъ былъ едва лишь изъ пелёнъ!

27.

— О, юноша! онъ продолжалъ, вздыхая
(Попову было слишкомъ сорокъ лѣтъ):
Моя душа для вашей не чужая!
Я въ тѣ года, когда мы ѣздимъ въ свѣтъ,
Зналъ вашу мать. Она была святая!
Такихъ, увы! теперь ужъ болѣе нѣтъ!
Когда-бъ она досель была къ вамъ близко,
Вы-бъ не упали нравственно такъ низко!

28.

Но, юный другъ, для набожныхъ сердецъ
Къ отверженнымъ не можетъ быть презрѣнья,
И я хочу вамъ быть второй отецъ,
Хочу вамъ дать для жизни наставленье.
Заблудшихъ такъ приводимъ мы овецъ
Со дна трущобъ на чистый путь спасенья.
Откройтесь мнѣ, равно какъ на духу:
Что̀ привело — васъ къ этому грѣху?

29.

Конечно, вы пришли къ нему не сами,
Характеръ вашъ невиненъ, чистъ и прямъ!
Я помню какъ, дитёй, за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугамъ!
Нѣтъ, юный другъ, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же ихъ намъ!
Кто вольнодумцы? Всѣхъ ихъ назовите,
И собственную участь облегчите!

30.

Что̀ слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успѣло корни въ васъ упорство?
Тогда должны мы будемъ приступить
Ко строгости, увы! и непокорство,

Сколь намъ ни больно, въ васъ искоренить!
О, юноша! Какъ сердце ваше чёрство!
Въ послѣднiй разъ: хотите-ли всю рать
Завлекшихъ васъ сообщниковъ назвать?

31.

Къ нему Поповъ достойно и наивно:
— Я, господинъ полковникъ, я-бы вамъ
Ихъ радъ назвать, но мнѣ, ей-Богу, дивно...
Возможно-ли сообщничество тамъ,
Гдѣ преступленье чисто негативно?
Вѣдь панталонъ-то не надѣлъ я самъ!
И чѣмъ-бы тамъ меня вы ни пугали —
Другiе мнѣ, клянусь, не помогали!

33.

— Не мудрствуйте, надменный санкюлотъ!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщниковъ и гнусный вашъ комплотъ
Повергните къ отечества подножью!
Когда-бъ вы знали что̀ теперь васъ ждетъ,
Васъ проняло-бы ужасомъ и дрожью!
Но дружбу вы чтобъ вѣдали мою,
Одуматься я время вамъ даю!

33.

Здѣсь на столѣ, смотрите, вамъ готово
Достаточно бумаги и чернилъ:
Пишите же — не-то, даю вамъ слово:
Чрезъ полчаса васъ изо всѣхъ мы силъ . . .
Тутъ ужасъ вдругъ такой объялъ Попова,
Что страшную онъ подлость совершилъ:
Пошелъ строчить (какъ люди въ страхѣ гадки!)
Именъ невинныхъ многіе десятки!

34.

Явились тутъ на нѣсколькихъ листахъ:
Какой-то Шмидтъ, два брата Шилаковы,
Зерцаловъ, Палкинъ, Савичъ, Розенбахъ,
Потенчиковъ, Гудимъ-Бодай-Корова,
Делаверганжъ, Шульгинъ, Страженко, Драхъ,
Грай-Жеребецъ, Бабковъ, Ильинъ, Багровый,
Мадамъ Гриневичъ, Глазовъ, Рыбинъ, Штихъ,
Бурдюкъ-Лишай — и множество другихъ.

35.

Поповъ строчилъ сплеча и безъ оглядки,
Попались въ списокъ лучшіе друзья.
Я повторю — какъ люди въ страхѣ гадки:
Начнутъ какъ богъ, а кончатъ какъ свинья!

Строчилъ Поповъ, строчилъ во всѣ лопатки,
Такая вышла вскорѣ ектенья,
Что, прочитавъ, и самъ онъ ужаснулся,
Вскричалъ: фуй! фуй! задрыгалъ—и проснулся.

36.

Небесный сводъ сіялъ такъ юнъ и новъ,
Весенній день глядѣлъ въ окно такъ веселъ,
Висѣла пара форменныхъ штановъ
Съ мундиромъ купно черезъ спинку креселъ;
И въ радости увѣрился Поповъ,
Что ихъ Иванъ тамъ съ вечера повѣсилъ —
Однимъ скачкомъ покинулъ онъ кровать
И началъ ихъ въ восторгѣ надѣвать.

37.

— То былъ лишь сонъ! О, счастіе! о, радость!
Моя душа какъ этотъ день ясна!
Не сдѣлалъ я Бодай-Коровѣ гадость!
Не выдалъ я агентамъ Ильина!
Не наклепалъ на Савича! О, сладость!
Мадамъ Гриневичъ мной не предана!
Страженко цѣлъ, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены въ оковы!

38.

Но ты никакъ, читатель, возстаешь
На мой разсказъ? Твое я слышу мнѣнье:
Сей анекдотъ, пожалуй, и хорошъ,
Но въ немъ сквозитъ дурное направленье,
Все выдумки, нѣтъ правды ни на грошъ!
Слыхалъ-ли кто такое обвиненье,
Что-молъ такой-то — встрѣченъ безъ штановъ,
Такъ ужъ и власти свергнуть онъ готовъ?

39.

И гдѣ такіе виданы министры?
Кто такъ изъ нихъ толпѣ кадить-бы могъ?
Я допущу: успѣхи наши быстры,
Но гдѣ-жъ у насъ министръ-демагогъ?
Пусть проберутъ всѣ списки и регистры,
Я пять рублей бумажныхъ дамъ въ залогъ;
Быть можетъ, ихъ во Франціи не мало,
Но на Руси ихъ нѣтъ — и не бывало!

40.

И что̀ это, помилуйте, за домъ,
Куда Поповъ отправленъ въ наказанье?
Что̀ за допросъ? Какимъ его судомъ
Стращаютъ тамъ? Гдѣ есть такое зданье?

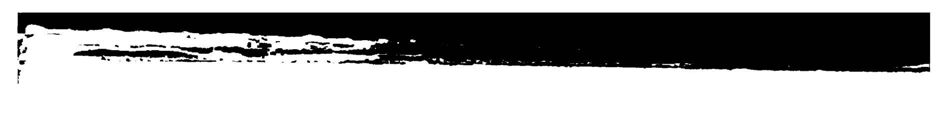
Что̀ за полковникъ выскочилъ? Во всемъ,
Во всемъ замѣтно полное незнанье
Своей страны обычаевъ и лицъ,
Встрѣчаемое только у дѣвицъ.

41.

А наконецъ — и самое вступленье:
Ну, есть-ли смыслъ, я спрашиваю, въ томъ,
Чтобъ въ день такой, когда на поздравленье
Къ министру всѣ съѣзжаются гуртомъ,
Съ Поповымъ вдругъ случилось помраченье,
И онъ такимъ одѣлся-бы шутомъ?
Забыться можетъ галстухъ, орденъ, пряжка —
Но пара брюкъ — нѣтъ это ужъ натяжка!

42.

И могъ-ли онъ такъ ѣхать? Могъ-ли въ залъ
Войти, одѣтъ какъ древніе герои?
И гдѣ резонъ, чтобъ за экранъ онъ сталъ,
Никѣмъ не зримъ? Возможно-ли такое? . . .
— Ахъ, батюшка-читатель, что̀ присталъ!?
Я не Поповъ! Оставь меня въ покоѣ!
Резонъ-ли въ этомъ, или не резонъ —
Я за чужой не отвѣчаю сонъ!



Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ГОСПОДА ОБМАНОВЫ

А. Амфитеатрова

(Old Gentleman)

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

М. ГОРЬКІЙ.

ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ОБЩЕСТВА.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ПИСЬМА ПО ПОВОДУ КИШИНЕВА.

ВЛ. КОРОЛЕНКО.

ДОМЪ № 13.

Цѣна 1 м. 50 пф.

